
?

Georg Wilhelm Friedrich Hegel

Думаешь? Аннотация? - *Sauve qui peut!* Бегите за своими жизнями! Так что я уже слышу предателя, выкупленного врагом, кричащего это эссе за то, что здесь будут говорить о метафизике. Для *metaphysics* это слово, как *abstract* и почти также *thinking*, это слово, от которого все убегают более или менее как от одного пострадавшего от чумы.

Но не так уж плохо, что то, что думает и что является абстрактным, должно быть объяснено здесь. Для прекрасного мира нет ничего невыносимого, что можно было бы объяснить. Достаточно ужасно, когда кто-то начинает объяснять, потому что, если нужно, я сам все понимаю. Здесь объяснение мысли и абстракции все равно оказалось совершенно излишним; ибо только потому, что прекрасный мир уже знает, что такое абстракция, он от нее убегает. Точно так же, как никто не желает того, чего не знает, так и нельзя ненавидеть.

Не предназначено оно и для того, чтобы обманным путем примирить прекрасный мир с мыслью или абстракцией; Например, что при видимости легкой сохранности, мысль и абстракция должны быть очернены так, чтобы они проникли в общество, неизвестное автору, и не вызвали никакого отвращения, и даже были втянуты незаметно самим обществом, или, как выражаются швабцы, огорожены и теперь открыты автору этой путаницы этим в остальном странным гостем, а именно абстракцией, с которой все общество отнеслось бы и признало бы хорошим знакомством под другим названием. Такие пределы познания, по которым мир должен обучаться против своей воли, имеют в себе непростительную вину, что они смущают мир, а машинист хочет одновременно добиться немного славы, так что это смущение и это тщеславие отменяют эффект, так как они скорее отталкивают учение, купленное за эту цену.

В любом случае, создание такого плана уже будет испорчено, так как его исполнение требует, чтобы слово загадки не произносилось заранее. Но это уже было сделано надписью; в этом сочинении, если бы речь шла о подобном обмане, слова не должны были бы появляться с самого начала, а, подобно министру в комедии, должны были бы ходить по всей пьесе в перегрузке, и только в последней сцене он должен был растегнуть ее и позволить звезде мудрости вспыхнуть. Растегивание метафизического пальто здесь даже не выглядело бы так хорошо, как растегивание министерского пальто, поскольку то, что оно проливает свет, было бы не более чем несколькими словами; ибо самое интересное должно было бы на самом деле показать, что общество уже давно владеет этой вещью; так что в конце концов оно получило бы только имя, в то время как звезда министра означала бы нечто более реальное, мешок с деньгами.

Что такое мышление, что такое абстракция - что каждый присутствующий знает, что это предполагается в хорошей компании, и это то, где мы находимся. Вопрос только в том, кто он, кто мыслит абстрактно. Намерение, как уже напоминалось, не примирять ее с этими вещами, ожидать, что она будет мириться с чем-то тяжелым, говорить в ее совести о том, что она небрежно пренебрегает чем-то подобным, что для того, чтобы быть наделенным разумом, соответствует ее званию и положению. Скорее, намерение состоит в том, чтобы примирить прекрасный мир с самим собой, если, в противном случае, он не имеет совести по поводу этого пренебрежения, но все же имеет определенное уважение, по крайней мере внутри, к абстрактному мышлению, как к чему-то высокому, и смотрит в сторону, не потому, что оно слишком низко для него, а потому, что

оно слишком высоко для него, не потому, что оно слишком злобно, а потому, что оно слишком выделяется, или, наоборот, потому, что оно дарит ему эспрессо, кажется чем-то особенным, чем-то, что не выделяет тебя в общем обществе, как новое украшение, но которое исключает тебя из общества или делает тебя в нем нелепым, как бедная одежда или даже богатая одежда, если она состоит из старых наборов драгоценных камней или даже богатой вышивкой, но которая уже давно стала китайской.

Кто думает абстрактно? Необразованный человек, а не образованный.

Хорошее общество мыслит абстрактно не потому, что оно слишком легко, потому, что оно слишком низко, низко не из-за своего внешнего статуса, не из-за пустого притворства, которое ставит себя выше того, что оно не может отложить в сторону, а из-за внутренней незначительности материи.

Предвзятость и уважение к абстрактной мысли настолько велики, что мелкие носы будут заранее чувствовать запах сатиры или иронии; только потому, что они читатели “Моргенблата”, они знают, что за сатиру есть цена, и что я скорее поверю, что заслужил ее и буду за нее бороться, чем просто отдам здесь свои вещи.

Мне нужно привести только примеры для моего предложения, которые все признают, что оно содержит в себе. Значит, убийцу ведут на место казни. Дамы могут заметить, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Эти люди находят замечание ужасающим: что убийца красивый? как можно быть настолько плохо думать и называть убийцу красивым, вы, вероятно, что-то не намного лучше! Это развращенность нравов, которая преобладает среди благородных людей, возможно, священник, который знает причину вещей и добавляет сердца.

Ценитель человеческой природы идет по пути образования преступника, находит в его рассказе плохое воспитание, плохое семейное окружение отца и матери, какую-то огромную грубость в мелком правонарушении этого человека, которая озлобила его против гражданского порядка, первую реакцию против него, которая изгнала его из него, а теперь дала ему возможность сохранить себя только через преступление. - Вполне могут быть люди, которые, услышав это, скажут: он хочет извинить этого убийцу! Помню, как в молодости я слышал, как один мэр жаловался на то, что авторы книг зашли слишком далеко и пытаются искоренить христианство и ответственность; один из них написал защиту самоубийства; ужасно, слишком ужасно! - Из дальнейшего запроса стало ясно, что *страдание* было понято.

Это означает, абстрактно мыслить, видеть в убийце только это абстрактное, что он убийца, и этим простым качеством уничтожить все остальные человеческие существа в нем. Прекрасный, чувствительный лейпцигский мир совсем другой. Она окропила и связала венки из цветов вокруг колеса и заплетенного на него преступника. - Но это опять же противоположная абстракция. Христиане вполне могут практиковать чётки, или скорее чётки креста, обёртывая крест розами. Крест - это длинная священная виселица и колесо. Она утратила свой односторонний смысл быть орудием бесчестного наказания и, напротив, знает идею высшей боли и глубочайшего отторжения вместе с самым радостным блаженством и божественной честью. Напротив, Лейпцигский крест, переплетенный фиалками и сплетническими розами, является примирением блевотины, своего

рода липкой совместимостью чувствительности со злом.

Совсем иначе, однажды я слышал, как подлая старуха, госпитализированная женщина, убивает абстракцию убийцы и заставляет его жить в честь. Отрубленная голова была положена на эшафот, и это было солнечным светом; как красиво, она сказала, светила голова Бог милосердного солнца *Binders!* - Ты недостойн солнечного света, сказали гоблину, о котором они были в ярости. Эта женщина видела, что солнце светило на голове убийцы и что он того стоит. Она подняла его от наказания овечьей шкурой в солнечную благодать Божью, не примирила его через свою фиалку и чуткое тщеславие, но увидела, как он получил благодать на высшем солнце.

Старуха, ее яйца прогнили, говорит покупательница жене лоточника. Что, она отвечает, мои яйца прогнили? Она может быть гнилой для меня! Она должна была рассказать мне это о моих яйцах? Она? Разве отца не съели вши на дороге, не сбежала ли мать с французами, а бабушка умерла в больнице, - она купила целую рубашку для свадебного платка; мы знаем, где она взяла платок и кепки; если бы не офицеры, некоторые люди не были бы сейчас такими чистыми, а если бы милосердные женщины больше внимания уделяли бы домашнему хозяйству, некоторые сидели бы в домике-палатке, - она просто заделала дырки в чулках! - Короче говоря, она не оставляет на них хороших ниток. Она думает абстрактно и подразделяет его на шарф, шапку, рубашку и т.д., как на пальцы и другие части, также отцом и всем кланом, в полном одиночестве под преступлением нахождения гнилых яиц; все о ней окрашено в гнилые яйца, в то время как те офицеры, о которых говорила жена лоточника - если есть что-то еще, в чем можно сомневаться, в этом что-то есть - могут видеть в ней совсем другое.

Чтобы перейти от служанки к слуге, ни один слуга не хуже, чем человек с небольшим положением и небольшим доходом, и чем лучше, тем более уважаемый господин. Обычный человек снова мыслит более абстрактно, он действует благородно против слуги и ведет себя с ним только как слуга; он держится этого предиката. Слугу лучше всего найти с французами. Благородный человек знаком с официантом, француз - хороший друг официанта; когда они одни, у официанта большое слово, видишь Дидро Жака и сына мэтра, джентльмен только и делает, что берет щепотку табака и смотрит на часы, и позволяет официанту делать все остальное. Благородный человек знает, что слуга не только слуга, но и знает весть о городе, знает девушек, имеет хорошие остановки в голове; он спрашивает его об этом, и слуга может сказать то, что он знает о том, о чем спросил директор. С французским кавалером слуга может принести не только это, но и дело на обоях, он может иметь свое мнение и отстаивать его, и если кавалер чего-то хочет, то это не делается по приказу, но он должен сначала дать рабу свое мнение и сказать ему об этом доброе слово, чтобы его мнение одержало верх.

Та же разница возникает и в армии; в прусской армии солдат может быть побит, значит, он негодяй; ибо то, что имеет пассивное право быть побитым, это негодяй. Таким образом, рядовой солдат является к офицеру за это абстракция избитого предмета, с которым должен общаться джентльмен в форме и имеющий “порту д’эпэ”, то есть сдать дьяволу.